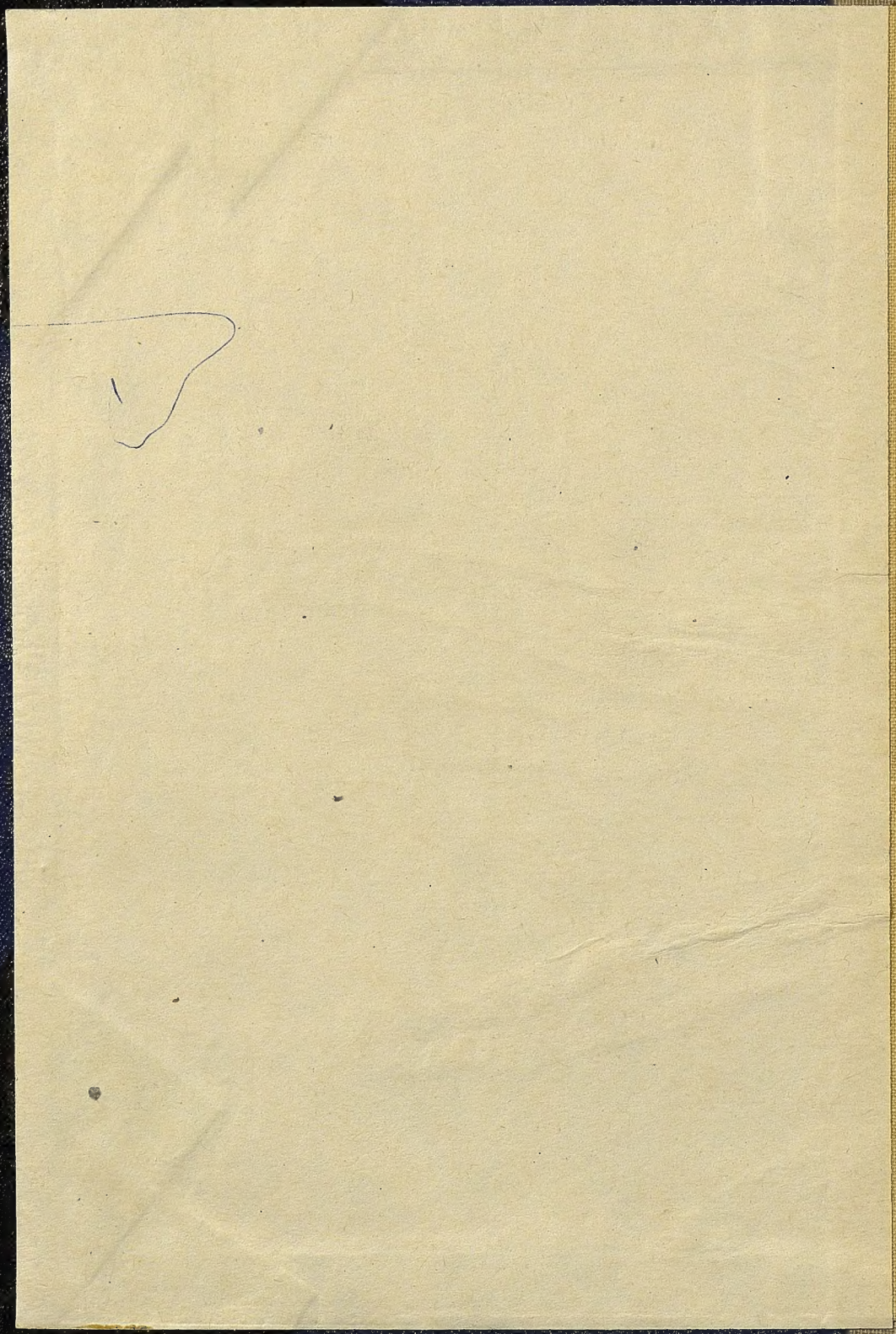
ЛМ
Т44



ЛМ
Т 77

ВОЙНА и КУЛЬТУРА.

Кн. Е. Н. Трубецкой.

ВОЙНА
и
МІРОВАЯ ЗАДАЧА
РОССІИ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА. — 1915.

327 (47) „1914"
77

ВОЙНА и КУЛЬТУРА.

Кн. Е. Н. Трубецкой.

ВОЙНА
и
МІРОВАЯ ЗАДАЧА
РОССІИ.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 138413

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА. — 1915.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока.

Колич. предыд. выдач.....

I.

Кто хочетъ отдать себѣ отчетъ въ значеніи народнаго настроенія для арміи, тотъ пусть сравнитъ настоящую войну съ предшествующею русско-японскою войною.

Основное различіе въ настроеніи совершенно соотвѣтствуетъ и основному различію въ ходѣ событій. Въ дни японской войны намъ недоставало въ особенности *воли побѣдить*, и насъ побѣждали. Никто не вѣрилъ въ побѣду, болѣе того, не многіе вѣрили въ ея смыслъ, многіе сомнѣвались въ желательности ея для Россіи. И не было необходимой огневой энергіи въ стремленіи къ ней. Это настроеніе не могло не передаться отъ народа въ армію. Тутъ оно нашло себѣ яркое олицетвореніе въ полководцѣ, — который каждымъ жестомъ своимъ изобличалъ отсутствіе воли побѣдить и недостатокъ вѣры въ побѣду; и въ этомъ заключалась едва ли не главная причина его пораженій. Сколько разъ побѣда сама давалась ему въ руки, но ускользала отъ него *потому, что онъ ее не бралъ*, потому что ему недоставало необходимаго волевого импульса для ея довершенія. *Маловѣріе*, вотъ что вырывало у него изъ рукъ успѣхъ, столько разъ близкій и возможный. Пораженіе его арміи въ

концѣ-концовъ оказалось пораженіемъ народа, не въ достаточной мѣрѣ хотѣвшаго, а потому и не могшаго побѣдить.

Такъ же сильно чувствуется единство народа и арміи въ нынѣшнюю войну, но съ той только разницей, что на этотъ разъ оно служитъ на пользу какъ народу, такъ и арміи. Не болѣзненный параличъ воли, а какъ разъ наоборотъ, доведенная до крайняго напряженія *воля побѣдить* составляетъ характерную черту нынѣшняго общественнаго настроенія. Кто изъ насъ не хочетъ побѣды, кто изъ насъ не жаждетъ ея всѣми силами души, и кто изъ насъ въ нее не вѣритъ? Правда, и среди насъ подчасъ встрѣчаются скептики; но когда приходится разговаривать съ ними, всегда кажется, точно они спорятъ нарочно, чтобы вызвать возраженія и заставить убѣждать себя въ томъ самомъ, во что и имъ хочется вѣрить, — *въ неизбѣжности нашей побѣды.* Сомнѣніе остается на поверхности сознанія: въ глубинѣ души всякій убѣжденъ, что именно намъ достанется побѣда, полная и блестящая. А, главное, ни у кого нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея необходимости и желательности. Всѣ преисполнены вѣры *въ ея благой смыслъ.* И, передаваясь отъ народа въ армію, эта вѣра творитъ чудеса, совершаетъ неслыханныя подвиги и беретъ неприступныя твердыни. И опять-таки въ духовномъ обликѣ командующихъ ярко отражается та народная волна которая ихъ вынесла на своемъ гребнѣ. Нынѣшняя война въ отличіе отъ прошлой выдвинула цѣлую плеяду блестящихъ военныхъ талантовъ. Но, что всего замѣчательнѣе, всѣ эти полководцы связаны одною общею чертою, которая глубоко коренится въ народномъ настроеніи: всѣ они проникнуты несокрушимой *волею*

побѣдить,—всѣ они—люди желѣзной энергіи, глубоко проникнутые вѣрою въ святость своего дѣла. Когда мы читаемъ донесенія о ихъ подвигахъ, мы чувствуемъ, что для нихъ *нѣтъ препятствій*.

Ошибочно было бы заключать отсюда, что одной воли побѣдить достаточно для того, чтобы одержать побѣду. Но съ другой стороны — *безъ* этой воли и безъ той вѣры, которая горы передвигаетъ, ни о какой побѣдѣ не можетъ быть рѣчи. Не сила оружія, отдѣльно взятая, рѣшаетъ участь сраженій, а та духовная сила, которая управляетъ оружіемъ и безъ которой оно — мертво.

И этого достаточно, чтобы понять огромное значеніе идей въ исторіи: оно всего лучше выяснится намъ все въ томъ же сопоставленіи.

Главная причина проигрыша нами японской войны заключается въ ея *безъидейности*. Этимъ прежде всего обусловливается и отсутствіе воли побѣдить, о которомъ я только что говорилъ. Когда люди сомнѣваются въ самой желательности побѣды, въ самой ея полезности для отечества, — имъ чрезвычайно трудно жертвовать для нея жизнью. Война изъ-за Кореи или изъ-за Манчжуріи, вообще изъ-за чужой территоріи, — никого не воодушевляла, да и не могла воодушевлять. Для героизма требуется прежде всего вѣра въ *смыслъ подвига* — нужна такая цѣль, для которой стоило бы всѣмъ жертвовать, не исключая и собственнаго своего существованія. Когда внутреннее раздвоеніе духовное доходитъ до того, что даже люди, преданные долгу, начинаютъ сомнѣваться, что благодѣтельнѣе для ихъ родины, — побѣда или пораженіе, — имъ чрезвычайно трудно быть героями.

Одно изъ главныхъ условій нашихъ побѣдъ въ настоящую войну заключается въ томъ, что такихъ сомнѣній теперь, слава Богу, не существуетъ. Мы знаемъ, за что мы сражаемся. И наша несокрушимая воля побѣдить обусловливается тѣмъ, что *наша цѣль* заставляетъ насъ желать побѣды во что бы то ни стало: именно она оправдываетъ всякія усилія, всякія жертвы, не исключая и самой высшей. Что же это за смыслъ войны, въ которую мы вѣримъ?

Онъ опредѣлился для насъ уже въ ту минуту, когда могущественная Австрія напала на маленькую, беззащитную Сербію: тогда впервые возгорѣлась въ насъ яркимъ пламенемъ наша воля побѣдить. И совершенно то же мы испытываемъ при видѣ издѣвательствъ Германіи надъ Бельгіей: мы чувствуемъ, что съ этимъ мы примириться не можемъ, что превращеніе Европы въ культурную орду, гдѣ всѣ народы служатъ рабами одного, для насъ безусловно недопустимо, что это — и нашъ собственный конецъ; самый смыслъ нашего существованія требуетъ, чтобы этого не было.

Волею судебъ Россіи навязывается освободительная миссія; и въ этой миссіи она находитъ самое себя, свое лучшее національное я: именно тогда она становится сама собою, именно тогда она обрѣтаетъ свой собственный *образъ Божій*, когда она освобождаетъ другіе народы: такъ есть, такъ было и такъ будетъ. Помнится, передъ началомъ русско-турецкой войны 1877 — 78 года, когда турки истязали Болгарію, какъ теперь нѣмцы — Бельгію, въ насъ загорѣлся тотъ же праведный гнѣвъ и та же великая любовь. И такъ же какъ теперь сказалось дѣйствіе этой любви: въ прекращеніи раздоровъ, въ полной пріостановкѣ всякой

партійной жизни, въ объединеніи всѣхъ противоположностей во единомъ самосознаніи народномъ. Только въ эти минуты національнаго вдохновенія ощущаемъ мы *единую* Россію. Только тогда обрѣтаетъ она это совершенное единство и цѣльность, когда исторія ставитъ передъ ней великую цѣль, которая приподнимаетъ ее надъ нею самою, надъ ея національнымъ эгоизмомъ.—Россіи нужно чувствовать, что она служитъ не себѣ только, а *всему человѣчеству*, *всему міру*. Только тогда она несокрушимо вѣритъ въ себя и въ самомъ дѣлѣ *хочетъ побѣдить*.

Въ этой чертѣ есть что-то изначальное, что составляетъ самую нашу сущность. Замѣчательно, что именно *высшіе* подъемы нашего національнаго самосознанія совпадаютъ съ нашими освободительными войнами. Когда мы освобождаемъ угнетенные народы, мы всегда неизмѣнно чувствуемъ, что это именно и есть настоящее дѣло Россіи, то единственно существенное дѣло, ради котораго стоитъ воевать. По сравненію съ этой основной задачей интересъ къ завоеванію новыхъ территорій всегда стоитъ у насъ на второмъ планѣ.

Характерно, что воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго о возстановленіи единой Польши, свободной въ своемъ языкѣ, вѣрѣ, самоуправленіи, было принято у насъ съ восторгомъ и выразило общее настроеніе; между тѣмъ, на мечтѣ о новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ наше народное чувство и общественное самосознаніе вовсе не останавливаются: всѣ понимаютъ, что, въ случаѣ удачной войны, эти пріобрѣтенія возможны; но съ другой стороны всякій чувствуетъ, что не изъ-за этого мы воюемъ. Совершенно то же наблюдалось и во время войны 1877 года;

тогда также общественное вниманіе было всецѣло поглощено одною мыслью — объ освобожденіи балканскихъ славянъ отъ турецкаго ига; тогда также никто не мечталъ о территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ. Когда же, въ результатѣ счастливой войны, нѣкоторыя завоеванія тѣмъ не менѣе были сдѣланы, они какъ-то прошли мимо нашего общественнаго сознанія: еслибы не учебники географіи и исторіи, мы объ нихъ и не помнили бы. Между тѣмъ, — освободительная задача войны врѣзалась въ памяти народной: о ней до сихъ поръ поетъ солдатская пѣснь: —

Греми слава трубой
Мы дрались турокъ съ тобой
По горамъ твоимъ Балканъ
Мы дралися за славянъ.

Эта черта нашего національнаго самосознанія часто приводится какъ доказательство нашей мечтательности, политической незрѣлости и безпочвеннаго идеализма. А между тѣмъ именно въ ней сказывается здравый политическій смыслъ и правильное пониманіе нашего жизненнаго интереса. Освобожденіе другихъ народовъ и борьба за слабыхъ противъ сильныхъ не есть только дѣло нашего политическаго безкорыстія: она необходима и для самой Россіи.

Обладая огромной территоріей, Россія не заинтересована въ ея увеличеніи: политика захватовъ можетъ причинить намъ не пользу, а только вредъ: намъ нужно сохранить, а не умножить наши владѣнія. Но именно это стремленіе къ сохраненію достоянія отцовъ, этотъ территоріальный консерватизмъ, который диктуется Россіи ея жизненными интересами, дѣлаетъ ее естественной защитницей и

покровительницей слабыхъ и угнетенныхъ народностей — всѣхъ тѣхъ, кому грозитъ поглощеніе и порабощеніе.

Въ международной политикѣ Россія заинтересована прежде всего въ томъ, «чтобы большія рыбы не пожирали малыхъ рыбъ», чтобы большіе народы не возрастали и не усиливались на счетъ слабыхъ. Освобожденіе Сербіи, защита Бельгіи, возрожденіе Польши, — все это диктуется намъ не одними человѣколюбивыми чувствами, но и насущными національными интересами. Ибо всѣ эти малые народы, немогущіе угрожать цѣлости и независимости великой Россіи, нуждаются въ ея содѣйствіи, а потому являются ея естественными союзниками противъ народа-завоевателя и хищника, который въ одинаковой мѣрѣ угрожаетъ какъ имъ, такъ и ей. Что поглощеніе маленькой Сербіи представляетъ угрозу цѣлости Россіи, — это у насъ всѣми инстинктивно чувствуется: отъ этого и австрійскій ультиматумъ Сербіи послужилъ поводомъ къ началу австро-русской войны. Но такая же солидарность интересовъ связываетъ насъ вообще съ малыми народами Европы. Существованіе независимой Сербіи, Черногоріи, Бельгіи и Даніи, все это для насъ гораздо важнѣе, чѣмъ новыя территоріальныя пріобрѣтенія. Защита слабыхъ и воскрешеніе малыхъ народовъ, поглощенныхъ сильными, — такова историческая задача, волею судебъ навязанная Россіи.

Освободительная миссія Россіи имѣетъ уже вѣковую давность. Ради нея велись наши балканскія войны прошлаго столѣтія; но никогда такъ рѣзко, какъ теперь не обозначался ея универсальный, общенародный характеръ: мы боремся за освобожденіе

всѣхъ народовъ вообще, всѣхъ, кто уже поглощенъ и всѣхъ, кому угрожаетъ поглощеніе и угнетеніе безъ различія племени и вѣроисповѣданія. Мы сражаемся *за права національностей* вообще, за самый національный принципъ въ политикѣ въ полномъ его объемѣ.

Отсюда — полная непригодность старыхъ славянофильскихъ формулъ для осознанія нашей національной задачи — тѣхъ лозунговъ, которые выражали собою задачи нашихъ прежнихъ русско-турецкихъ войнъ.

Тѣ войны велись преимущественно ради разрѣшенія славянскаго вопроса, ради освобожденія изъ-подъ турецкаго ига нашихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ. Между тѣмъ освободительная задача настоящей войны совершенно чужда этой племенной и вѣроисповѣдной окраски. Отдѣльнаго *славянскаго* вопроса теперь уже больше не существуетъ: волею судебъ Россія вынуждена сражаться и за другіе народы: армяне, а, быть-можетъ, еще и румыны и итальянцы также ждутъ отъ нея содѣйствія свему освобожденію. Равнымъ образомъ настоящая война не связана съ интересами какого-либо одного вѣроисповѣданія. Возстановленіе національнаго единства католической Польши интересуетъ насъ не менѣе, чѣмъ судьбы православной Сербіи. Наконецъ, настоящая война не можетъ быть понимаема и какъ столкновеніе Россіи съ европейскимъ Западомъ. Во-первыхъ, Востокъ въ этомъ столкновеніи олицетворяется вовсе не нами, а скорѣе императоромъ Вильгельмомъ, поднявшимъ зеленое знамя пророка; во-вторыхъ, подъ тѣмъ же знаменемъ бокъ о бокъ съ нами сражаются цѣлыхъ три западныхъ державы.

Задача, навязанная намъ исторіей, чужда противоположности востока и запада: она въ одинаковой мѣрѣ возвышается надъ антагонизмомъ племеннымъ и вѣроисповѣднымъ. Это — задача по существу сверхнародная, универсальная, — задача всеобщаго политическаго возрожденія всѣхъ порабощенныхъ національностей. Всѣ маленькія національныя государства, которыя могутъ родиться въ результатѣ нашей побѣды, и всѣ тѣ, которыя могутъ быть поглощены Германіей въ случаѣ нашей неудачи, — для насъ цѣнны и дороги: цѣнны не только сами по себѣ, но и въ качествѣ сторожевыхъ постовъ противъ Германіи, преградъ противъ ея завоевательныхъ стремленій.

Въ этомъ совпаденіи національнаго интереса съ идеаломъ справедливаго, христіанскаго отношенія къ другимъ національностямъ заключается великое счастье Россіи. Ея важнѣйшая международная задача есть вмѣстѣ съ тѣмъ возвышенная нравственная и религіозная задача: ибо это — задача христіанскаго разрѣшенія національнаго вопроса.

Уже изъ одной ея постановки видно, что выполненіе ея не можетъ быть дѣломъ одной физической силы. Чтобы побѣда досталась намъ въ руки и упрочилась въ будущемъ, нужно, чтобы наша борьба противъ германизма всегда оставалась борьбою всѣхъ противъ одного. Каковъ бы ни былъ исходъ настоящей войны, великая германская нація, насчитывающая болѣе семидесяти милліоновъ, можетъ быть только побѣждена, но не уничтожена. И въ будущемъ Германія останется, во всякомъ случаѣ, сильнымъ и опаснымъ для насъ соперникомъ: опасность эта можетъ быть устранена только вѣрностью тому

знамени, во имя котораго мы боремся: какъ только мы ему измѣнимъ, какъ только вмѣсто того, чтобы освобождать и защищать другіе народы, Россія начнетъ поглощать и угнетать ихъ, народы возстанутъ противъ нея, какъ теперь они возстаютъ противъ Германіи: отказаться отъ своей освободительной миссіи для нея значитъ — обречь себя на гибель духовную, а въ концѣ-концовъ, и матеріальную.

II.

Таковы свойства задачи, вытекающей изъ мірового положенія Россіи. Для успѣшнаго ея разрѣшенія нужно считаться со всѣми трудностями и препятствіями, съ которыми придется встрѣтиться при ея выполненіи.

Главнѣйшая опасность, съ которой намъ приходится считаться,—опасность психологическаго, *нравственнаго* свойства. Съ одной стороны для осуществленія нашей задачи намъ нужна такая побѣда, которая сдѣлаетъ Россію вершительницей судебъ міра. Съ другой стороны намъ нужно во что бы то ни стало избѣжать того рокового соблазна мірового первенства, который усыпляетъ духовныя силы народа-побѣдителя и тѣмъ самымъ обрекаетъ его на гибель.

Примѣръ современной Германіи ясно обнаруживаетъ, въ чемъ заключается этотъ соблазнъ и эта опасность. Та война, которую мы ведемъ въ настоящее время, есть прежде всего борьба противъ узкаго націонализма одного народа, ставшаго всеобщимъ врагомъ; но уродливыя крайности этого націонализма расцвѣли именно на почвѣ міровой гегемоніи Германіи: именно она породила то упоеніе собственнымъ могуществомъ и величіемъ, которое составля-

етъ язву духовной жизни современнаго нѣмецкаго общества.

Съ этой чертой связаны и всѣ тѣ роковыя затрудненія, которыя приходится переживать Германіи въ настоящее время: безо всякаго сомнѣнія они коренятся въ томъ шовинистическомъ настроеніи, которое выросло на почвѣ нѣмецкихъ побѣдъ семидесятыхъ годовъ. Этихъ затрудненій, конечно, не было бы, еслибы не аннексія Эльзаса и Лотарингіи, если бы не нѣмецкій Drang nach Osten, если бы не колоніальная политика Германіи, если бы не тѣ ея завоевательныя стремленія, которыя превращаютъ ее въ государство-пугало, въ олицетворенную угрозу для всѣхъ.

Въ этомъ заключается тотъ важнѣйшій для насъ урокъ современной исторіи, который мы прежде всего должны себѣ усвоить. Злой рокъ, тяготѣющій надъ побѣдителями и въ особенности—надъ міровыми владыками, угрожаетъ не одной только Германіи, но также и всякому вообще народу, который увлечется соблазномъ мірового первенства и забудетъ о той нравственной и культурной задачѣ, которая одна можетъ служить оправданіемъ мірового могущества. Сущность этой опасности нашла себѣ прекрасное художественное изображеніе въ германской сагѣ о кольцѣ Нибелунговъ и въ музыкальной драмѣ Вагнера того же названія.

Одно и то же кольцо Нибелунговъ даетъ власть надъ міромъ и обрекаетъ на смерть овладѣвшаго имъ побѣдителя. И причина этого злого рока — чисто психическая: она лежитъ частью въ настроеніи самого побѣдителя, частью въ настроеніи окружающихъ. Съ одной стороны міровое владычество не-

рѣдко искажаетъ духовный обликъ владыки, превращаетъ его въ ненавистное и опасное для всѣхъ страшилище, въ лютого хищника, а съ другой стороны она создаетъ вокругъ него атмосферу всеобщей ненависти; и рано или поздно онъ долженъ стать жертвой этой ненависти.

У Вагнера эта мысль особенно ярко олицетворяется образомъ великана Фафнера. Увлеченный алчностью, этотъ счастливый обладатель кольца утрачиваетъ человѣческій обликъ и превращается въ злое чудовище: ставши огнедышащимъ дракономъ, онъ удаляется въ пещеру зависти, гдѣ онъ стережетъ свою добычу и всякаго приближающагося къ ней пожираетъ. А вокругъ пещеры наростаетъ та всеобщая зависть и ненависть, которая должна положить ему конецъ: весь міръ живетъ въ ожиданіи героя, который сразитъ чудовище... Но герой, завладѣвъ кольцомъ, самъ въ свою очередь долженъ погибнуть...

Напрасно было бы искать какихъ-либо національныхъ чертъ въ этомъ художественномъ образѣ. Несмотря на нѣмецкое имя, Фафнеръ — типъ вовсе не нѣмецкій, а общечеловѣческій. Утрата человѣческаго облика и превращеніе въ чудовище—съ тѣмъ же роковымъ концомъ — грозитъ на высотѣ мірового владычества всякому народу, упоенному собой, одержимому маніей величія и порабощенному злою страстью алчности.

Съ этой точки зрѣнія я приступаю къ вопросу, который для меня является основнымъ. Я не только раздѣляю общую нашу волю побѣдить, я не сомнѣваюсь въ томъ, что на полѣ брани *побѣда будетъ наша*. Но вѣдь эта побѣда желательна для насъ не какъ торжество голой силы Россіи, а какъ заверше-

ніе той высшей, *духовной ея побѣды*, которая составляетъ смыслъ этой войны. Не для себя мы хотимъ этой побѣды, а *ради того знамени*, за которое мы стоимъ. И вотъ я спрашиваю себя, найдетъ ли въ себѣ силы Россія до конца высоко держать это знамя? Будетъ ли она въ состояніи выдержать собственную побѣду и привести ее къ благому, прочному результату? Удастся ли ей преодолѣть свое собственное внутреннее чудовище,—того страшнаго и злого звѣря, который таится въ душѣ каждаго народа? Сумѣетъ ли она на высотѣ величія и могущества сохранить тотъ свѣтлый человѣческій обликъ, который оправдываетъ побѣду?

Повторяю, отъ этого зависитъ не только смыслъ побѣды, но и самая возможность ея довершенія. Было бы легкомысленно воображать, что съ окончаніемъ этой войны, окончится и періодъ военныхъ опасностей для Россіи. Вѣдь никакая побѣда наша на западѣ не можетъ уничтожить будущую опасность на востокѣ; а въ связи съ ней можетъ когда-нибудь возродиться и опасность на западѣ. Великій семидесятимилліонный народъ германскій можетъ быть побѣжденъ, но не уничтоженъ... И вотъ передъ Россіей ставится вопросъ, коего значеніе, къ несчастью для себя въ 1871 году не поняла Германія.— Что мы должны сдѣлать для того, чтобы нынѣшнія наши побѣды не подготовили для насъ пораженій въ будущемъ? Иначе говоря, какъ намъ избѣжать участи Фафнера?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается уже въ самой его постановкѣ. Разъ причина гибели Фафнера заключается въ духовномъ его обликѣ,—намъ нужно во что бы то ни стало избѣжать уподобленія ему.

Спасеніе Россіи заключается единственно въ томъ знамени, которому она служитъ, въ побѣдѣ надъ націонализмомъ и алчностью, — въ разрѣшеніи все той же нравственной задачи всемірной культуры — національнаго вопроса въ его міровомъ объемѣ и значеніи. Новыя маленькія національныя государства должны родиться на свѣтъ Божій, а старыя должны быть сохранены и въ случаѣ ихъ участія въ войнѣ, по *возможности* доведены до своихъ естественныхъ, *національныхъ* границъ. И безопасность Россіи въ будущемъ зависитъ въ особенности отъ того, — будетъ ли она имѣть эти государства на своей сторонѣ. Россія должна сохранить за собою значеніе державы освободительницы — защитницы всѣхъ малыхъ и слабыхъ народовъ противъ народовъ-хищниковъ. Народы должны проникнуться убѣжденіемъ, что она никому изъ нихъ не грозитъ поглощеніемъ, а для всѣхъ служитъ заступницей. *Тогда Россія станетъ центромъ союза народовъ въ цѣляхъ общей ихъ безопасности.*

Задача, которая поставлена передъ нами — не только политическая. Это — въ высшей степени глубокая и сложная культурная и вмѣстѣ нравственная задача. Для разрѣшенія ея недостаточно одной политической мудрости: нуженъ тонкій душевный тактъ, нужна цѣлая духовная атмосфера — та самая атмосфера, которой недостаетъ современной Германіи. Въ созданіи этой атмосферы и заключается главнѣйшая культурная задача современной Россіи. Да будетъ мнѣ позволено сказать два слова о томъ — какова она должна быть.

Есть два крайнихъ предѣла, между которыми колеблются взаимныя отношенія народовъ — то со-

вершенное, *естественное* ихъ отчужденіе, которое олицетворяется библейскимъ образомъ раздѣленія языковъ и то совершенное *духовное* ихъ объединеніе, которое въ Новомъ завѣтѣ олицетворяется видѣніемъ огненныхъ языкъ — Пятидесятницей.

Когда каждый народъ видитъ исключительно въ самомъ себѣ цѣль и разсматриваетъ всѣ прочіе народы только какъ средства для своего благополучія, — тогда въ ихъ взаимоотношеніяхъ господствуетъ именно то настроеніе, которое выражается въ раздѣленіи языковъ. Каждый руководствуется девизомъ — мой народъ превыше всего — Deutschland, Deutschland über alles, а всѣ пожираютъ другъ друга.

Задача Россіи заключается именно въ преодолѣніи этого лозунга, — именно въ установленіи такого единства между народами, при которомъ языкъ не отчуждаетъ и не отталкиваетъ людей другъ отъ друга, а духовно ихъ объединяетъ. Это — то взаимоотношеніе народностей, при которомъ онѣ не исключаютъ другъ друга, а наоборотъ, духовно другъ друга восполняютъ.

Невольно возникаетъ сомнѣніе, возможны ли такія отношенія между народами, возможно ли то отрѣшеніе отъ національнаго эгоизма и то одухотвореніе человѣческой жизни, которое для этого требуется? Къ счастью для человѣчества есть факты, которые доказываютъ, что задача не выходитъ за предѣлы возможнаго. Тотъ высокій духовный подъемъ, который мы переживаемъ, даетъ основаніе вѣрить не только въ самоотверженіе отдѣльныхъ лицъ, но и въ самоотверженіе цѣлыхъ народовъ.

Я остановлю ваше вниманіе на одномъ яркомъ примѣрѣ — на томъ переломѣ, который на нашихъ

глазахъ совершается во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши. — Именно въ этихъ отношеніяхъ до послѣдняго времени особенно сильно чувствовалось взаимное отчужденіе; именно въ нихъ раздѣленіе языковъ было несомнѣнной и мучительной реальностью.

Бывало, когда заслышишь польскую рѣчь, душою овладѣваетъ какое-то тоскливое, болѣзненное чувство. Точно различіе языковъ сразу устанавливаетъ какую-то глубокую пропасть между говорящими. Словно эти два языка представляютъ собою двѣ психическія сферы настолько замкнутыя и непроницаемыя другъ для друга, что самое внѣшнее ихъ соприкосновеніе невозможно и всякія человѣческія отношенія между говорящими тѣмъ самымъ исключаются.

И вдругъ произошелъ какой-то сдвигъ въ отношеніяхъ обоихъ народовъ. Нашъ долгъ передъ Польшей еще далеко не исполненъ, отношенія Польши къ офиціальной Россіи все еще остаются неясными. И несмотря на это уже не чувствуется прежней пропасти между двумя народами: ихъ языкъ какъ будто пересталъ ихъ раздѣлять. Теперь польская рѣчь для насъ, съ одной стороны,—жгучее напоминаніе о разрушенныхъ очагахъ, о сожженныхъ деревняхъ и о близкомъ родномъ, находящемся въ опасности: съ другой стороны, въ ней слышится намъ бодрящій призывъ — крѣпко взять въ руки наше народно-русское и всеславянское знамя. А что такое, рядомъ съ этимъ, русская рѣчь для поляка, это я понялъ на-дняхъ, когда я услышалъ безхитростный разсказъ о происходившемъ въ одномъ изъ московскихъ лазаретовъ: тамъ раненые солдаты-поляки крестились и

плакали какъ дѣти при вѣсти о нашей варшавской побѣдѣ, радовались ей едва ли не больше, чѣмъ сами русскіе. Если въ эти дни страданія и ужаса до Польши доходитъ благая вѣсть о спасеніи, то она слышитъ ее, конечно, на русскомъ языкѣ. И вотъ почему теперь рушатся высокія духовныя перегородки, раньше отдѣлявшія два народа.

Такіе факты даютъ основаніе надѣяться, что видѣнье огненныхъ языкъ когда-нибудь станетъ реальностью въ жизни народовъ. Правда, это случится не скоро; и до того имъ придется пройти долгій, трудный путь. Но уже теперь это видѣнье носится передъ нами какъ отдаленная цѣль, опредѣляющая направленіе нашего странствованья. Если уже теперь языкъ польскій зажигаетъ въ русской душѣ неудержимый, святой и огненный порывъ, это значитъ, что мы уже слышимъ какимъ-то внутреннимъ слухомъ огненный языкъ польской народности. И если русскій языкъ теперь вызываетъ восторженныя слезы въ Польшѣ, это значитъ, что и въ русской рѣчи прозвучалъ для поляка тотъ огненный языкъ, который предвозвѣщаетъ воскрешеніе родной земли. Вѣдь этотъ языкъ, животворящій душу, сталъ слышенъ Польшѣ въ тотъ моментъ, когда героическими усиліями русскаго солдата возстановляется живая связь распавшагося тѣла растерзанной Польши.

Бываютъ минуты высокаго вдохновенія и великаго подъема въ жизни народовъ, когда народный языкъ преисполняется высшаго, надчеловѣческаго, а потому и общечеловѣческаго смысла. Тогда онъ становится прозрачной оболочкой души народной и въ этомъ качествѣ всѣмъ доступенъ, всѣмъ понятенъ. Тогда въ глазахъ людей приподнимается завѣса на

ту высшую тайну, которую Духъ Божій провидѣлъ о народностяхъ.

«И явились имъ раздѣляющіеся языки какъ бы огненные и почили по одному на каждомъ изъ нихъ. И исполнились всѣ Духа Святаго, и начали говорить на другихъ языкахъ, какъ Духъ давалъ имъ провѣщевать. Въ Іерусалимѣ же находились іудеи, люди набожные изъ всякаго народа подъ небесами. Когда сдѣлался сей шумъ, собрался народъ и пришелъ въ смятеніе: ибо каждый слышалъ ихъ говорящими его нарѣчіемъ» (Дѣян. III, 3—6).

Вотъ высшій идеалъ и высшая духовная норма взаимныхъ отношеній народовъ. — Всѣ народы подъ небесами должны собраться въ одинъ духовный Іерусалимъ, всякій долженъ говорить своимъ нарѣчіемъ, и всякій долженъ переживать эту рѣчь такъ, какъ если бы онъ слышалъ свой родной языкъ. И то, что сказано въ Дѣяніяхъ апостольскихъ о языкѣ, должно быть понимаемо шире, — въ примѣненіи ко всей духовной жизни народовъ. Во всемъ народномъ творчествѣ, во всей національной культурѣ долженъ звучать все тотъ же огненный языкъ, у каждаго народа особенный, своеобычный, но вмѣстѣ съ тѣмъ родной и близкій всѣмъ прочимъ народамъ.

Этимъ окончательно разрѣшается вопросъ поставленный мною раньше, — какова та духовная атмосфера, которая должна дать полную и окончательную побѣду Россіи надъ Германіей.

Духовная атмосфера современной Германіи есть именно атмосфера раздѣленія языковъ, доведенная до крайней степени. Здѣсь одинъ народъ утверждаетъ себя противъ всѣхъ и тѣмъ самымъ возстановляетъ всѣхъ противъ себя. Кто возбудилъ про-

тивъ себя эту атмосферу всеобщей ненависти, тотъ рано или поздно долженъ стать ея жертвой. Если мы когда-нибудь послѣдуемъ примѣру Германіи, если мы возведемъ нашу народность въ кумиръ и въ слѣпомъ превознесеніи запоемъ въ русскомъ переводѣ Russland, Russland über alles, — тогда и насъ ждетъ та же участь, какъ и Германію.

Единственный способъ избѣжать этой участи заключается въ томъ, — чтобы противопоставить Германіи иное, — высшее культурное начало. Если Германія избрала путь духовной розни, то мы должны противопоставить ей путь внутренняго духовнаго сближенія со всѣми народами. Не раздѣленіе языковъ, а Пятидесятница должна выражать собою конечную цѣль нашихъ стремленій. Какъ въ политикѣ, такъ и во всѣхъ областяхъ культуры наша задача — по преимуществу синтетическая. Широкое объединеніе національностей во всѣхъ областяхъ духовной жизни при сохраненіи особенностей каждой изъ нихъ, — осуществленіе единства всемірной культуры въ многообразіи національныхъ выраженій, — вотъ тотъ идеалъ, къ которому мы должны стремиться.

Волей судебъ Россія призвана служить той высшей сверхнародной культурѣ, въ которой отдѣльныя народности не истребляютъ, а восполняютъ другъ друга. Исполнитъ она эту свою задачу или вмѣсто того удалится въ мрачную пещеру зависти и тамъ въ духовномъ одиночествѣ будетъ пожирать свою добычу, это, конечно, всецѣло зависитъ отъ ея доброй воли. Теперь или никогда отъ нея зависитъ выбрать путь жизни или путь смерти, стать центромъ союза народовъ ради ихъ спасенія противъ всякаго

хищенія или добровольно обречь себя на гибель, которая суждена всякому народу-хищнику.

Невозможно сомнѣваться въ томъ, каковъ долженъ быть выборъ Россіи *народной*. Будемъ надѣяться, что онъ такимъ и будетъ. Офиціальныя перегородки попрежнему продолжаютъ раздѣлять народы, но въ народной душѣ онѣ рушатся: высокое призванье Россіи — освобождать народы, всѣми сознается, всѣми чувствуется, и вотъ почему въ началѣ этой войны въ могучемъ общемъ порывѣ объединились всѣ народы нашей великой имперіи. Ихъ объединило то общее всѣмъ имъ знамя, во имя котораго они сражаются: изъ вѣры въ это знамя, шествующее передъ нами, проистекаетъ наша могучая воля побѣдить и наша увѣренность въ побѣдѣ. Намъ нужны нечеловѣческія усилія, чтобы низринуть съ съ высоты тевтонскаго идола; но мы низвергнемъ его, конечно, не для того, чтобы замѣнить его же собственнымъ образомъ и подобіемъ. Мы вѣримъ въ творческую силу Россіи, въ ея способность создать вмѣсто ниспровергнутаго нѣчто безконечно болѣе прекрасное и цѣнное — ту христіанскую культуру, которая не погубляетъ, а воскрешаетъ народы. Будемъ помнить надпись «симъ побѣди[illegible] на нашемъ знамени и будемъ ему вѣрны: он[illegible]сетъ Россію и пронесетъ ея побѣду чрезъ всю вели[illegible]ю борьбу, какъ бы трудна она ни была и какъ бы [illegible]го она ни продолжалась.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ. КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Смыслъ войны

(Москва, книгоиздательство „Путь“, Новинскій бульваръ, 103). Цѣна **30** коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Національный вопросъ,

Константинополь и святая Софія.

Цѣна 20 коп.

ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СССР